

Гадкий утёнок, или Повесть о первой любви

Автор:

Наталья Баклина

Гадкий утёнок, или Повесть о первой любви

Наталья Баклина

Студентка Шурочка так долго хотела и ждала любви! Ну и что, что не красавица. Вон, сколько не красавиц вокруг, и – с парнями. И ей повезёт обязательно – Он придёт. Пришёл, но прежде ей пришлось поехать на уборку урожая, пожить в спортзале при клубе, поработать поварихой в совхозной столовой, узнать много нового о себе и людях. И – стремительно повзрослеть.

Действие романа происходит в 80-е годы.

Содержит нецензурную брань.

Наталья Баклина

Гадкий утёнок

Или Повесть о первой любви

Издаётся в обновлённой авторской редакции

Все события романа вымышлены, совпадения случайны

От автора

Приветствую! Я – Наталья Никифорова (Баклина), и перед вами короткий роман, с которого началась моя писательская биография.

«Гадкий утёнок» выходил в 2005 году в издательстве «Олма», и тогда же попал во всевозможные электронные библиотеки, где до сих пор и пребывает.

Сюжет взят из моего студенческого прошлого, получилось эдакое советское ретро. Сегодня, когда прошло изрядное количество лет и написано девять книг плюс две на подходе, мне захотелось давние мои искренние чувства из первой моей книги выразить более точными словами. Понравится – остальные мои книги есть на ЛитРес

С благодарностью к вам за внимание,

Наталья Баклина (Никифорова)

Пролог

– Мама, я сделала это!

Дочь плюхнулась на стул, обхватила обеими руками кружку, сделала большой глоток. Явилась она поздно ночью, стараясь не очень шуметь. Но Шурочка не могла заснуть, пока дочки не было дома, хоть и знала, что Костик проводит её до дверей. Вот и сейчас не выспалась, и, наблюдая, как Дашка допивает какао, не поняла, о чём она говорит.

– Что ты сделала?

– Я переспала с Костиком. Мне не понравилось.

Дашка поставила кружку на стол и с вызовом посмотрела на мать. Шурочка оторопела.

– И... что? Вы теперь поженитесь?

– Мам, ну ты что? – распахнула глазищи Дашка. – Какой из Костика муж? Я просто хотела попробовать, как это бывает. Для эксперимента. Ты не думай, мы предохранялись!

Шурочка почувствовала, как сердце её сжалось и затрепыхалось где-то у горла. Экспериментирует! Предохранялась!

– Даш, ну так ведь нельзя, – она, наконец, смогла собрать слова и мысли. – Без любви разве можно?

– Мама, ты что! Сейчас же двадцать первый век! Я и так как из нафталина! Мне уже почти восемнадцать, а некоторые наши девчонки с шестнадцати лет с мальчишками живут. Да у нас в группе только две девственницы оставалось – я и Барышева Ирка. Ирка страшная как смерть, на неё никто и не смотрит. А я раньше боялась. А теперь решилась. И распрощалась с этой распроклятой девственностью! Теперь я – как все!

Дочкина бравада обескураживала.

– Ты Костика хоть чуть-чуть любишь?

– Мам, да при чем здесь любовь! Это нужно было, как к врачу сходить!

Дашка допила какао и взялась за бутерброд. Ну да, современная, самостоятельная, неглупая. Да что там – умненькая. И хорошенькая. Откуда же эта поспешность и клинический какой-то цинизм?

– Дочь, всё же зря ты так! – опять собралась с мыслями Шурочкаю – Такое раз в жизни бывает! С любимым человеком, в особой обстановке. Это же событие!

– Да ладно тебе, событие! – отложила Дашка бутерброд. – Мам, у тебя самой в первый раз как было? Под звук фанфар в особом месте? А, молчишь! То-то же. Вот и не начинай.

Шурочка только вздохнула. Похоже, не так всё гладко было у Дашки с её «первым разом из интереса». Очень уж бравадой своей напирает. Ох, своего ума не вставишь, а Дашка всегда была с характером!

Дочка ушла к себе переодеться и вернулась в узких джинсах и кофточке, едва прикрывавшей пупок. Пупок подмигнул Шурочке голубым глазком пирсинга. Дашка тряхнула тёмными, отросшими ниже лопаток волосами.

- Мам, я пошла! Ты расстроилась, что ли? Да не бери в голову, у меня всё окей!

Она подхватила сумку на ремешке и, чмокнув воздух возле материнной щеки, унеслась в институт.

«Никаких переживаний, никаких эмоций. Точно, не всё гладко» - подумала Шурочка. Дашкины откровения основательно выбили из колеи. «Все они нынче, что ли, такие циничные, или моя - исключение?»

Она ещё раз вспомнила Дашкин взгляд, развёрнутые плечи, напряжённое тело струной... Что-то она ещё говорила про одноклассницу, девственницу и уродину...

И тут Шурочку осенило. Неужели её красивой самоуверенной дочери понадобилось себе доказать, что она не уродина? Вот такое вот подтверждение с каким-то Костиком, который вовремя подвернулся?

«Ох, неужели и она? Неужели, как я?»

И Шурочка вспомнила, как все случилось у нее. Был 1984 год...

Глава 1

«Группы 9331 и 9332 - завтра в 10-00 сбор с вещами возле восьмого корпуса». Объявление на дверях деканата расставляло все точки над «i». Они действительно едут завтра на сельхозработы. По крайней мере, те, кто успел вернуться после каникул.

Шурочка Панова ещё раз мысленно пробежалась по списку вещей, которые нужно взять с собой: три футболки, пару штанов, свитер, куртку, кеды, тапочки, сапоги резиновые с утеплителем. Лифчики, пожалуй, не возьмет. Грудь

у неё так и не выросла, под тремя одежками и не видно ничего. А Томская область не Ташкент. Уже август, быстро похолодает, как раз по три одежки напяливать и придётся. Спортивный костюм ещё надо взять. Правда, красный он, как пожарная машина, другого маме достать не удалось. Да и ладно, пусть красный.

Она ещё раз пробежалась по объявлению, убирая чёлку с очков. Новой причёске был всего второй день, и Шурочка ещё не очень привыкла к кудряшкам. Остричь волосы она решила сразу по приезде с каникул, да ещё и химическую завивку сделала, чтобы лучше легли. Волосы не подвели: легли красивыми крупными кольцами, и даже цвет изменили, стали слегка каштанового оттенка.

Все два летних месяца, что жила дома в Ташкенте, Шурочка собиралась остричь волосы. Да мама всё отговаривала. Мол, волосы у тебя жидкие, непослушные. Пока длинные, ты их хоть в пучок соберёшь, а повиснут прядями – не уложишь. Шурочка сдавалась – маме видней.

Сама она хорошо помнила свою последнюю стрижку. Ей было шесть лет, и мама отвела её в парикмахерскую, мечтая, как куцые дочкины косички превратятся в аккуратное каре с чёлочкой набекрень. «Набекрень» не получился. Оказалось, что у лба волосы у Шурочки растут не вниз, а вверх, вихром. И чёлочка у лба оттопыривается смешной загогулиной, как ты её ни прижимай. Шурочка потом с полгода ходила с бантом, завязанным чуть ли не на лбу. Разочарованная мама собирала вихрастую чёлку и крепко-накрепко завязывала её в короткий хвостик, причитая, как же дочке не повезло с волосами.

Когда Шурочка подросла, волосы отросли до лопаток, – ниже они никогда не отрастали, хотя их никто не стриг. Так, подрезали посечённые кончики, и всё. А мама начала приговаривать, что дочке и с внешностью не повезло. Шурочка смотрела на себя в зеркало и соглашалась: не повезло. Щёки толстые, нос курносый, конопушки. Она всегда была толстой щекастой девочкой, а когда в десять лет надела очки, то и вовсе приобрела классическую внешность умненькой дурнушки.

При этом Шурочка была влюбчивой чрезвычайно. Ей было жизненно необходимо по кому-нибудь вздохнуть. Жизнь приобретала особую наполненность, когда было кого выискивать взглядом в школьных коридорах. Когда учащался пульс, если вдруг Он мазнул по ней случайным взглядом. Когда было о ком мечтать перед сном. В мечтах очарованный Шурочкиной красотой Он падал к её ногам и

клялся в огромной и пожизненной любви. Избыток чувств изливался стихами в толстой тетрадке, укладывался в рифмы «вновь-любовь» и «тебя-любя».

В эти игры Шурочка играла лет с восьми. Имена и лица у Него были разными – то Андрей из параллельного класса, то Сергей из пионерского лагеря, то Володя с соседней парты... Если бы Шурочка вела дневник, то список «объектов» с этих восьми лет составил бы пару страниц, не меньше. И от безответных «любовей» она страдала столько же: за все десять лет, от восьми до нынешних восемнадцати, мальчики обратили на неё внимание лишь дважды. Но, увы, то были герои не её романа.

Когда ей было одиннадцать лет, в пионерском лагере в неё влюбился мальчик Вова. Он был толстым и лопоухим, похожим на маленького смешного слонёнка. Все в отряде над ним посмеивались, а она – нет. Вова был младше Шурочки на целый год и на роль Него никак не подходил. Но мальчишкой оказался классным. Им с Шурочкой поручили рисовать отрядную газету, и они рисовали, болтали, шутили. И так было здорово не думать ни о каких страстях и «тебя-любя»! Но Вова всё испортил. Он вдруг начал приглашать её на танцах, и все в отряде смеялись над Шурочкой: вон, какой жених! И тогда она попросила Вову не лезть к ней. И начала делать неприступное лицо, когда он с ней заговаривал.

В следующее лето, опять же в лагере, за ней робко и трогательно ухаживал мальчик Марат. Он был ровесник, но ниже рослой акселератки Шурочки на целую голову. Марат приносил ей веточки с облепихой и горстки ежевики в баночке. Дары он вручал потихоньку, не напоказ, и Шурочке было приятно. И всё равно это был не Он.

Если честно, она вообще плохо представляла, как ей быть, если Он объявится на самом деле, а не только в мечтах! Впрочем, представлять особо было нечего. В пионерском лагере, куда Шурочка ездила каждое лето, её очень редко приглашали на танцах. А если приглашали, то только чтобы разбить девчачью пару. Так оно было заведено на пионерских танцплощадках, что девочки танцевали друг с другом, и когда мальчику нравилась одна из них, он уговаривал какого-нибудь приятеля потанцевать со второй. Вот такие «довески» Шурочке и доставались.

На школьных дискотеках её тоже не приглашали. А на городские она не ходила – мама была категорически против. И вообще велела, чтобы дочь была дома ровно в восемь вечера. «Вместо того, чтобы шляться, лучше книжку почитай!» И

Шурочка читала, в каждой книжке обнаруживая «про любовь». Особенно ей нравились романы о сельской жизни. Какие в этих книжках были трактористы и доярки! Как красиво они друг друга любили! Как складно рассуждали о будущем и как дружно строили колхозную жизнь! Как пели и плясали под гармонь! Как романтично сидели на завалинках под звёздным небом и встречали рассвет в росистых травах! И вот теперь она увидит это собственными глазами. Их группа второкурсников едет в совхоз.

Глава 2

До совхоза на задворках Томской области они добирались долго. Сначала два часа по реке на «Ракете», потом автобусом по пыльной дороге. Где-то на полпути в автобус зашел мужичок в синей куртке и чёрной шляпе и сказал, что ему нужно двадцать человек. С мужичком вышла вторая группа, в основном одни девчонки. После Шурочка узнала, что их определили на ферму доить коров. И десять человек из Шурочкиной группы остались. Их всего десять и ехало, остальные ещё не собрались после каникул.

Деревня, куда их привезли к концу долгого дня, называлась «Гореловка». А совхоз, на который предстояло работать, – «Путь Ильича». Поселили студентов в огромном спортзале при деревенском клубе. Клуб был огорожен невысоким штакетником. По соседству с входом в спортзал находилась танцплощадка – дощатый помост с заборчиком и лавками по периметру. Тут же, у заборчика, росла огромная старая липа, под ней располагались удобства: столб с двумя рукомяниками и сортир на два отсека. Мимо клуба и сортира шла тропка, выводившая к деревенскому пруду.

Шурочка туда ходила. Пруд был огромный, как маленькое озеро. В тёмной воде отражались домики «запрудной» улицы, ближе к тому берегу плавали гуси. Недалеко от берега в траве лежало бревно, стесанное сверху так, чтобы можно было сидеть. Красота!

Спортзал под ночлег им устроили на манер солдатской казармы, уставив его рядами железных кроватей с панцирными сетками. Часть зала была отгорожена брезентовыми занавесками, которые выделяли закуток для девочек. Мальчиков поселили в проходной части.

Шурочка плюхнулась на свою кровать и покачалась. Сетка даже под её малыми килограммами растянулась изрядно. Она прилегла, примеряясь. Ничего так себе, гамачок! Обстановка чем-то напоминала ей пионерский лагерь – там тоже были корпуса с большими комнатами-казармами и комната мальчиков была проходной. Шурочка ездила в один и тот же лагерь каждое лето на все три месяца, и каждое лето означало для неё новую влюбленность. Вот и сейчас, будто получив команду, сердце заняло в привычном предвкушении.

«Ну, и в кого тут влюбляться?» – она ещё раз обвела глазами кучку ребят-одногоруппников. Они все, четыре девочки и пять мальчиков, сидели на танцплощадке возле клуба и ждали, когда их отведут в столовую. Четверо мальчишек-одногодок уже примелькались за первый курс учёбы, а вот пятый был новеньким. Звали его Борис, и он был совсем взрослым. Он восстановился на втором курсе после армии, собирался учиться в другой группе. Но тех ребят уже отправили в другой совхоз, поэтому парню, – девчонки уже успели прозвать его между собой Борюсиком, – пришлось ехать с ними. Борюсик в герои романа годился... Хоть и невысокий, но симпатичный. И есть в нём некоторая тайна, загадка присутствует. Все гомонят, а он сидит себе тихонечко, улыбается легонечко, в разговоры не вступает, на вопросы отвечает скупно и смотрит внимательно... И опять же, армию отслужил, не то, что их мальчишки, вчерашние школьники!

Вон, сидят, как на выставке! Вовка Иваницин, хмурый, худой, настоящий Железный Дровосек. Жестикулирует так, будто у него в суставах смазка кончается. Явное не то. Гена Ким, высокий поджарый кореец в очках. Хороший парень, почти земляк. Они вместе с Шурочкой учились на лыжах ходить и оба – одинаково безуспешно. И в Генкином Джамбуле, и в Шурочкином Ташкенте снег бывает раз в году по полчаса, лыжи они оба прежде видели только по телевизору. А тут, в Сибири, нате вам – сдавайте норматив на время. На почве (или на снегу?) лыжных преодолений Шурочка с Геной сдружилась, даже конспектами обменивалась, и лабораторные работы делала с ним вместе иногда. Но на героя романа Гена не тянул. На него сердце не ёкало.

Игорюня Жаров... Этот даже не обсуждается. Он – Игорюня, и этим все сказано. Вон, стоит, к забору привалился, мотня на растянутых трикотажных трениках болтается возле колен. Улыбается блаженно... Чудик, что с него взять! И с внешностью не того... Узкие серые глазки из-под тяжёлых век смотрят на мир рассеянно и близоруко, с пухлых губ не сходит вечная полуулыбка. И лицо плоское, круглое, с пипочкой носа практически без переносицы, забрызгано

крапинами веснушек. И буйные рыжеватые кудри для полноты картины. Недотёпа, клоун, чёрт знает что, не во что влюбляться.

Еще один Вовка, Макаров. Тоже мимо. Маленький, белобрысенький, остроносенький, похож на делового ёжика. Выглядит от силы на шестнадцать лет, хотя старше всех в группе, уже двадцать два года. Да в любом случае не вариант – этим летом Вовка успел жениться.

В общем, подвела итог Шурочка, уж если и влюбляться, то в Борюсика. Она даже уже начала влюбляться, но тут их позвали обедать.

Деревенская столовая оказалась вполне приличным заведением. Большая бревенчатая изба делилась на три части. В одной расположился магазин, во второй – обеденный зал, в третьей, судя по всему, – кухня. Поварихи, одетые в белые халаты и высокие колпаки из накрахмаленной марли, стояли за хромированной стойкой-барьером и изумляли оголодавших студентов. Порции были огромные: наваристый борщ, гуляш с рисом, холодный компот. Тут же стояли стаканы с молоком, бери, кому надо. Молоко уже отстоялось, и видно было, что треть стакана – сливки.

После их студенческой столовки, где молоко отдавало порошком, а котлеты лепили преимущественно из хлеба (Шурочка как-то взяла такую – сладкую, с запахом ванили. Её явно слепили из зачерствевших булок), совхозный обед показался просто пиршеством. И платить не надо – всех переписали в столбик, будут удерживать из зарплаты. Класс!

Девчонки, все четверо, сели за один столик.

– Девчонки, – сказала Шурочка, сыто отдуваясь, – чур, я занимаю место при кухне! Если скажут, что нужно идти поварам помогать, я пойду. Ладно?

– Иди, – пожала плечами Эльвира Абдулаева, – лично я терпеть не могу готовить.

– Ты же не умеешь стряпать, – прищурилась Ира Зиненко. – Помнишь, какой ты суп сварила?

– И кашу гречневую, – захихикала Леночка Головина, перекидывая роскошную русую косу за спину.

– Ничего, я помогать буду, почистить там, настрогать, котлы помыть, – оптимистично пообещала Шурочка. – В общем, я пойду!

– Да иди, кто мешает, – пожала плечами Зиненко. – Только стряпать не лезь.

Девчонки знали, о чём говорили. Они жили с Шурочкой в одной комнате в общежитии и уже испытали её кулинарные «таланты».

А дело было так. Когда через месяц студенческой жизни им надоело давиться в столовке хлебными котлетами – после таких обедов голод возвращался слишком быстро, а изжога оставалась слишком долго, – девчонки договорились скидываться и стряпать по очереди. Так выходило и дешевле, и сытнее. Шурочка к тому времени очень хорошо умела жарить картошку, яичницу и варить суп из пакета. Девчонки умели примерно столько же. Разве что Эльвира была более опытной поварихой. У неё сильно болела мать, и последние несколько лет она сама вела домашнее хозяйство и присматривала за двумя младшими сестрами.

Тут, в общежитии, девушка тащить на себе хозяйство не собиралась. Готовила со всеми в очередь, разве что подсказывала подругам-неумехам, чего сколько класть. Поэтому когда Шурочка решила сварить гречневую кашу, она спросила у Эльвиры, сколько брать крупы на четверых. Та сказала, что полтора стакана, и Шурочка послушно отмерила по полтора стакана на каждую. Всего шесть. И девять стаканов воды – эту пропорцию для гречки, один к полутора, она помнила, мама объясняла. Каша, сдобренная душистым подсолнечным маслом, получилась вкусная, рассыпчатая. Вот только сварилось её полведра. Оказывается, надо было брать всего полтора стакана! На всех!

Полведра им пришлось бы есть дня четыре, поэтому решили позвать на ужин мальчишек. Мальчишки обычно спускали стипендию в первые две недели, а после голодными волками рыскали у кухни и караулили, кто из девчонок готовит. Дожидались, пока еду унесут в комнату и стучались в дверь: «Здрасьте, мы в гости. О, как кстати, прямо к ужину!» Девчачий небогатый бюджет – сами экономили и распределяли копейки от стипендии к стипендии – регулярные дружеские набеги выдержать не мог. Поэтому очень скоро девчонки научились маскироваться. На кухне проводился минимум манипуляций, сам процесс

приготовления еды проходил в комнате при закрытых дверях, верхний свет во время приёма пищи не включался, стуки в дверь игнорировались – никого нет дома.

Вот и на этот раз в коридоре нашлись голодные однокурсники. Игорюня с Геной Кимом как раз безрезультатно стучались в комнату через три двери от их наискосок, им никто не открывал. Там, видимо, тоже ужинали. «Гена, Игорьь, пойдите к нам кашу есть!» – позвала их Эльвира. Те пошли с радостью, за компанию прибился еще и Яша с третьего курса, крутившийся возле кухни. И три мужских пустых желудка расправились с полуведерным запасом гречневой каши в один заход.

А с супом у Шурочки получилась такая история. С продуктами в Томске было не очень хорошо, из мясного, – только куры, если в очереди постоять, и сырые котлеты, если повезет в универсаме застать, пока не расхватали. Пельмени ещё продавали: розоватый фарш неопознаваемого происхождения и тесто, которое намертво слипалось в месиво при малейшей разморозке. Пельмени обычно готовили двумя способами. Если их успевали донести из магазина до кастрюли раньше, чем они подтаивали, то классическим способом – варили. Если же пельмени успевали подтаять и слипнуться, то делали «пельменные лепёшки» – от массы отрывались комки, обваливались в муке и сплющивались в лепёшечки. Лепёшечки поджаривались в масле на сковородке. Мясо из них торчало, как придётся. Получалось вполне съедобно, пока горячие. А остывать они и не успевали.

Курицу студентам было брать дороговато – если целиком приготовить, уйдет недельный продуктовый бюджет, если по частям, то нет холодильника, чтобы хранить. Ловили котлеты в очередь с пельменями. Поэтому Шурочка считала большим везением, когда ей в её дежурство по кухне удалось купить в универсаме куриный суповой набор: две лапы и петушиная голова с клювом. Шурочка помнила что-то смутно из детства, как мама варила супчик из таких лапок и гребешков. И вроде бы всю голову целиком варила. Шурочка старательно общипала остатки перьев с шеи и головы, как следует промыла лапы и с сомнением посмотрела на жёсткие когти. С ними что делать? Вроде бы в мамином бульоне лапы были с когтями... Или нет? На всякий случай она тщательно промыла каждый коготок и загрузила набор в кастрюлю, решив на этот раз готовить на общежитской кухне. Вскипятила, сняла серую пену. Что-то мутноватый какой-то бульон... Ладно, в супе незаметно будет. Так, теперь туда луковичу, одну морковку, три картошки нарезать, горсть вермишели, лавровый

лист, посолить... Готово! И Шурочка понесла кастрюлю в комнату, кормить девчонок.

- Что это? – спросила Эльвира, когда из половника на неё уставилась мутным глазом петушиная голова с плотно сомкнутым клювом и скукоженным гребнем набекрень.

- Лапша, – гордо сказала Шурочка, – на курином бульоне!

- А это?

Эльвира выложила голову на тарелку и достала вареную лапу. Лапа хищно целилась ей в лицо всеми четырьмя когтями.

- Это ножка. Куриная, – без энтузиазма в голосе объяснила Шурочка, уже чувствуя: её стряпня не удалась.

- Это лапа, а не ножка, – поставила диагноз Эльвира. – С неё нужно было чешую снять и когти обрезать.

Она подцепила плёнку на лапе, та слезла одним куском. Подцепила коготь, тот сполз чехольчиком, обнажив чистое светлое основание. Потом поболтала ложкой в тарелке, погоняв в сероватой жиже кусочки картофеля и вермишель.

- Шур, ты как хочешь, но я это есть не стану. Я лучше чай попью с булочкой.

- Не умеешь готовить, так и не берись. Только деньги переводишь – высказалась толстушка Зиненко. Она попробовала ложку Шурочкиного варева и тоже засобиралась в столовую за булочкой.

- Да, а как я научусь тогда готовить, если не буду пробовать! – заспорила Шурочка.

- Ну, вот и пробуй, хоть всю кастрюлю. А мы в столовку пойдем, – подскочила и Леночка. И девчонки втроём умчались в столовую на первый этаж, оставив Шурочку наедине с варёной петушиной головой на тарелке. Шурочке показалось, что петух смотрит на неё с укоризной.

– Что, и ты будешь критиковать, как я тебя сварила?

Девушка выловила вторую лапу и пристроила её к петушиной голове. Теперь композиция на тарелке напоминала картинку на трансформаторной будке «Не влезай, убьёт!»: две перекрещенные лапы, и сверху – голова с клювом. Или «Не хлебай, умрёшь»? Шурочка храбро зачерпнула ложку своей лапши и проглотила её быстро, как лекарство. Привкус был странноватым. Горчило, пахло какой-то требухой. Куриный бульон это варево напоминало меньше всего.

В дверь постучались, в комнату просунулась голова Яши с третьего курса:

– Можно к вам в гости? О, мы как раз к ужину!

– Заходи, Яша, куриную лапшу будешь? – обрадовалась ему Шурочка. Может быть, после её стряпни он хотя бы перестанет у кухни караулить?

– Спрашиваешь! Конечно, буду! Мы тут с Павликом, ничего? И ещё Петька со мной!

– Слушай, Яш, а давай я вам кастрюлю с собой отдам! Вы у себя в комнате поедите, а мне потом кастрюлю вернете!

– А с чего это ты такая добрая? – засомневался Яша и попытался заглянуть за спину Шурочке – что там у неё на столе. Шурочка сделала честные глаза:

– Понимаешь, я наварила лапши, а девчонки сели на диету, отказываются есть мучное. А сама я всю кастрюлю не съем, не выкидывать же, жалко!

– Зачем выкидывать, не надо выкидывать. Давай сюда свою лапшу.

Шурочка бочком, чтобы Яша не разглядел лапы и голову, придвинулась к столу и развернулась за кастрюлей:

– Вот, возьми!

– А это у тебя что? – Яшка, оказывается, уже был в комнате и разглядел-таки злосчастные куриные останки.

– Мясо... Куриное...

– А мясо себе, что ли, оставляешь?

– Хочешь? Возьми.

– Хочу, конечно! Мы его сейчас под сто граммов...

Яша плюхнул куриные лапы и голову в кастрюлю и потащил её к выходу:

– Мужики, живем! Все бы бабы сели на диету!

– Чего это он разорался?

В комнату первой вошла Леночка. В руках она несла пакет с булочками.

– От радости, я ему лапшу отдала, – сообщила Шурочка.

– Смотри, как бы он не принес эту кастрюлю тебе на голову надеть, – съехидничала Зиненко, она вошла вслед за Леночкой. – Как выловит лапу с маникюром, так и прибежит говорить тебе отдельное спасибо.

– Не прибежит. Лапы он у меня выпросил вдобавок к лапше. Говорит, под сто граммов хорошо пойдут.

– Да, Панова, такое только спьяну и можно сожрать, – оставила за собой последнее слово Ира, разрезая пополам булочку и обильно смазывая её яблочным повидлом.

Парни всё съели и вернули чистую кастрюлю. Шурочка с тех пор больше голов не покупала. И вот теперь вредная Зинченко опять вспоминает ей эту лапшу!

Глава 3

Подруги сыто отвалились от тарелок, когда куратор, белёсый тип с кафедры, Шурочка раньше его не видела, объявил, что завтра подъём в девять, завтрак и работа на зернохранилище. А сейчас – свободное время, погуляйте пока.

Гулять девчонки начали с магазина, благо, что дверь – напротив столовой, и на улицу не надо выходить. Ассортимент в магазине оказался убогим даже на фоне городского универсама. Там хоть яйца всегда были. И консервы. А тут... Огромные жестянки с повидлом, маринованные огурцы-переростки в трёхлитровых стеклянных банках, мешки с крупой и макаронами, жёлтые слипшиеся конфеты без фантиков, ржавая селёдка в корытце, портвейн «Агдам» – это продукты. У другой стены расположились промтовары: рядок ватников, шеренга резиновых сапог, оцинкованные ведра, вставленные башней одно в другое, кучки из лопат и грабель. Отдельно – черенки к ним.

– Зинок, мне свешай две селёдки, триста грамм «Дунькиной радости», килограмм макарон и «Агдамчику» дай пузырёк, – просил толстую молодуху за прилавком мужичок в коричневом пиджаке, серых полосатых брюках, заправленных в высокие резиновые сапоги, и в светлой сетчатой шляпе в дырочку.

– Петр Ильич, талон нужен, – остановилась на макаронах молодуха. – Вы же знаете, у меня отчётность.

– Будет тебе талон, Зинуля, будет. Завтра нарисую, принесу, ты меня знаешь!

Молодуха поверила, и мужичок начал сгребать покупки в авоську – её крупные ячейки расчертили серую бумагу кульков на ровные ромбики. Одна из ячеек пропустила сквозь себя горлышко бутылки с портвейном, и та бодро торчала набекрень.

– О, красавицы, здравствуйте, – заметил мужичок девчонок. – Опять нам город лучших девушек прислал! Позвольте вас угостить!

Он пристроил авоську на прилавке и начал разворачивать кулек с липкой карамелью:

- «Дунькина радость», прошу!

Мужичок протягивал им кулёк, манерно оттопыривая мизинец. Шурочка решила, взяла жёлтую обсыпанную сахаром конфетину, раскусила. Вполне съедобно. Карамель мягкая, начинка из тёмного вкусного повидла.

- А почему у вас продукты по талонам? – спросила она мужичка.

- Продукты? – не сразу понял он. – А! Не, не продукты, «Агдам» по талонам. Уборочная же, сухой закон. Спиртное можно взять только по талонам, талоны выдают в поссовете. Заходите, если что, – подмигнул мужичок.

- А вы директор совхоза? – спросила Лена Голованова и тоже цапнула конфетку.

- Не-е, не дай бог, – рассмеялся мужичок. – Я в поссовете, талоны на вино выписываю. Две бутылки красненькой, одна беленькой в месяц! Так что заходите, если что. Договоримся!

Мужичок шустро свернул кулёк с конфетами, убрал его в авоську и вышел. Девчонки вышли следом, встали на крыльце и огляделись. Широкая деревенская улица с дощатыми тротуарами по бокам. Между тротуарами – полоса чёрной жирной грязи. Грязь густая, кое-где в ней натоптаны тропочки, переходы на другую сторону улицы. Петр Ильич из поселкового совета переходил улицу без всяких тропок, перемешивая грязь своими резиновыми сапогами. Грязь доходила ему до щиколоток.

- Да... – протянула Эльвира, – вот тебе и «Путь Ильича»... Сложными путями тут ходит Ильич! Теперь понятно, почему здесь народ в сапогах гуляет. Сейчас хоть погода стоит хорошая, но представляю, что здесь творится после дождей! Дирекция, я так понимаю, в доме напротив. Пошли, посмотрим?

Девчонки перешли через улицу по ближайшей тропочке, местную грязь их кеды вряд ли бы пережили. Чуть замешкались у трёх ЗИЛов с открытыми кузовами, приткнувшись на обочине. Кое-как их обошли и вышли к зданию с табличкой

«Совхоз «Путь Ильича», правление».

Над крыльцом правления развевался красный флаг с серпом и молотом. Возле крыльца аккуратным штабелем лежали тёмные полешки. Слева от правления высилась Доска почёта с портретами лучших доярок. Шурочке запомнилась одна – молодая миловидная блондинка с тонкими чертами лица и тёмными большими глазами. Она была похожа на актрису, и имя у неё было соответствующее: Ирина Бригг. Мимо девушек простучала каблучками по деревянному тротуару женщина лет тридцати. Она была не по-деревенски наряжена в светлый жакет и складчатую юбку длиной чуть ниже колена.

– Интересно, как они тут по такой грязи на каблуках умудряются ходить? И вообще – выглядеть? – удивилась Шурочка, глядя женщине вслед. Прическа – начёсанные и уложенные локоны – смотрелась идеально.

– Есть женщины в русских селениях, – продекларировала Леночка, наблюдая, как женщина посторонилась, пропуская компанию из трёх парней, вывалившуюся на крыльцо правления. Парни их заметили.

– О, девчонки, привет! Вы студентки из Томска? Как там, в городе? – спросил один из них, рыжий, одетый в брезентовую куртку-штормовку и в серые рабочие штаны.

– Нормально, – кокетливо повела в его сторону глазом Ира Зиненко. – А вы кто? Трактористы местные?

– Не, – засмеялся рыжий, – мы из Томска. Нас как бы в армию призвали на переподготовку, вот и шоферим здесь уже месяц, зерно возим. Много девчонок приехало?

– Вот, – повела Ира рукой, – мы все. Нас всего десять человек пока, остальные через недельку подтянутся.

– Местные не обижают?

– Нет, – игриво засмеялась Ира, – С чего им нас обижать?

– Смотрите, если что – скажите мне, я разберусь. Меня Семён зовут, наша общага вон там, на соседней улице!

Семён махнул куда-то в конец поселка и пошёл садиться в ЗИЛ. Его компаньоны уже разошлись по машинам и урчали двигателями.

– Я – Ира, очень приятно, – крикнула ему вслед Зиненко и вздохнула. – Правда, симпатичный парень? Интересно, а местные тоже такие же дружелюбные?

– Му-у-у! – ответили ей. Подруги оглянулись на звук.

На них надвигались коровы. Все рыже-белые, с круглыми боками, рогатые и большие, они шли пестрой флегматичной волной, которая текла и по черной грязи дороги, и по дощатым мосткам-тротуарам. Коровы меланхолично шли прямо на застывших подруг, огибая их в последний момент и перебирая копытами в опасной близости от их, обутых в кеды, ног.

– Мамочки-мамочки-мамочки, – бормотала Леночка, зажмурившись. Она боялась так, что даже побледнела, напрочь утратив свой всегдашний румянец во всю щёку.

Шурочке было не страшно, а, скорее, интересно. Коровы были по-своему деликатны, они не толкались, просто шли, покачивая тяжёлыми бурдюками вымени. От коров пахло навозом и парным молоком.

Замыкал шествие подросток лет четырнадцати. Стрельнув в сторону девчонок быстрым взглядом, пастушок принял степенный вид и стал похож на коровьего директора. На плече мальчишка нёс черный кнут, конец которого волочился по дощатому тротуару.

Шурочка засмотрелась вслед. Солнце уже клонилось к закату, и в его косых лучах коровы красиво уходили в перспективу чёрной дороги, обрамлённой зеленью деревенских палисадников. Совсем как в книжках про деревню, которые она любила читать.

– Девчонки, девчонки, вы где? Мы уже тут! Да... твою мать, повесили тут... всякой, запутался нах...

Шурочка слушала пьяный мат, и первые несколько секунд не могла сообразить, где она. «В деревне», – услужливо подсказала память. Намотавшиеся за день студенты улеглись спать рано, часов в десять. Тем более что развлечений не было никаких. И вот – развлечение! Похоже, к ним гости. Судя по голосам, двое совершенно пьяных мужиков.

Рядом, шурша в темноте, уже вскочила и быстро одевалась Эльвира. Темнота в их закутке стояла почти абсолютная, окна остались на мальчишечьей стороне спортзала. Шурочка тоже нашарила свои штаны и принялась их натягивать – встречать пьяных визитёров в футболке и трусах не хотелось совершенно. Гости тем временем выпутались из занавесок и – мат-перемат, так-разэдак – наткнулись на первые кровати.

– Девочки, вы где? Пойдемте, подружим. Мы вам Гореловку нашу покажем, – взывал в абсолютной темноте пьяный голос. Шурочке стало страшно. Воображение дорисовало к голосу огромного косматого мужика. Тут же вспомнились сны, что снились ей лет с двенадцати. Во снах за Шурочкой гнался тёмный человек, и она бежала в ужасе, так как знала: если поймают, он сделает с ней что-то плохое, стыдное. Человек каждый раз её ловил, и каждый раз она просыпалась в ужасе и с сердцебиением. А теперь сон будто стал явью: чёрный человек ворочался в чёрной комнате и искал её, Шурочку.

– Блин, что делать с этими пьяными уродами? – прошептала Эльвира. – Хоть бы мальчишки наши вмешались, что ли. Или куратор, где он там?

– Эй, мужики, шли бы вы отсюда, – как бы в ответ на её слова раздался неуверенный, Игорюнин, кажется, голосок. – Зачем девчонок пугаете?

– Это кто там нас посылает? – мигом среагировал один из пришельцев. – А ну, покажись, проверим, у кого яйца больше! Ничё с вашими девками не делается, им понравится. Прошлый раз городские приезжали, дружили с нами, и ничего. Эй, мать вашу так, где вы там, не видно ни х... выходите, говорю. Васька Перец к вам пришел, гулять зовет, не выделяйтесь!

На мальчишек надежды не осталось. Куратор, белёсый аспирант с их кафедры, тоже голоса не подавал. Оставалось прятаться, благо, пустых кроватей было много. Быстро не доберутся.

Шурочка с Эльвирой вжались в угол, к ним пробрались на ощупь Ира с Леночкой.

– Так, девчонки, пробираемся по стеночке к краю занавески и аккуратно, без шума, выходим наружу, – распорядилась Эльвира. – Кто-нибудь видел, где тут у них милиция?

– Какая тут милиция? Участковый если, да и тот спит, наверное, – громко зашептала Ира.

– О, шепчут чего-то, – обрадовался пьяный Перец. Затопал в их направлении, наткнулся на очередную кровать, рухнул в проходе и зашёлся матом:

– Девки, кончай вы...ся, выходи! Колян, помоги подняться!

– Васька, ты где? Щас я тебя нащупаю, – откликнулся Колян сиплым баритоном.

Пока пьяные дружки занимались друг другом, девчонки проскользнули за край занавески, выбрались на мальчишечью половину спортзала и рванули к выходу.

Шурочка вылетела в «предбанник» и увидела, что скоба от крючка, на которую запиралась дверь, вырвана «с мясом». Вон, как в гости-то рвались! Следом за ней с топотом выскочила Ирка Зиненко.

– Эй, вон они, давай к выходу! – среагировали на топот незваные ухажёры.

Подруги прибавили ходу, вылетели за ограду и остановились на дощатом тротуаре. Дальше куда? В небе стояла полная луна, на улице было светло, страх вдруг прошёл. Шурочка взглянула на часы – час ночи.

Тем временем из спортзала вывалились две абсолютно комичные фигуры. Один из ухажёров оказался худым высоким мужичонкой со спутанными волосами, второй – коренастым белобрысым недоростком «метр с кепкой».

- И от этих секс-гигантов мы драпали, как зайцы? – фыркнула Ира. – Это их испугались наши мальчишки? Да ткни пальцем – завалятся, Казановы зачуханные!

- Девочки, а вот и мы, – отсалютовал им «метр с кепкой». Это он, судя по голосу, больше всех шумел в темноте. Отсалютовал, тут же потерял равновесие и повис на долговязом приятеле.

- Пойдёмте дружить!

- Слушай, как там тебя... Вася? – начала Эльвира.

- Перец, – то ли кивнул, то ли обмяк коротышка.

- Слушай, Вася, у вас в Гореловке что, так принято – по ночам врывать в чужой дом и пугать женщин?

- Чего? – не понял Вася и оглянулся на клуб. – Это не дом, это спортзал.

- А мы кто, по-твоему, – спортивные снаряды, что ли? – разозлилась Эльвира. – Значит, так. Если сейчас не уйдёшь, пожалуюсь директору совхоза. Мы сюда приехали вам помогать урожай собирать, а вы тут к нам пьяные вламываетесь, мальчишкам нашим угрожаете, нас пугаете. Хочешь знакомиться – приходи завтра. Трезвый. Тогда и посмотрим, что ты за Перец.

- Не, Колян, ты слышал? – изумился коротышка. – Не нравится им, что мы пришли! Да и пошли вы на х... лахудры городские. У нас свои девки – во! И не ломаются. Директору она пожалуется! Да я этого директора...

Колян, поняв, что дружба не сложилась, вывел Ваську за ворота и уводил дальше по улице. А тот громко рассказывал, что бы он мог сделать с директором.

- Боже мой, какой ужас, – сказала Шурочка. – Элька, ты молодец, что их послала. Я так испугалась, до сих пор дрожу.

– И я, – пискнула Леночка. – Я думала – все, изнасилуют и никто на помощь не придет.

– Изнасилуют? Эти?! И не мечтай, – фыркнула Эльвира, и девчонки зашлись хохотом. Каждая – на свой лад.

Невысокая смуглая Эльвира хохотала, запрокинув темноволосую голову, толстушка Ира приседала от смеха, хлопая себя по полным ляжкам и трясая светлыми кудряшками, Леночка беззвучно вздрагивала от смеха, и кончик русой косы, перекинутой на грудь, мелко подрагивал в такт. Шурочка хохотала так, что заболело за ушами и выступили слёзы. Перенервничали, разряжались.

– Вы чего тут делаете в такое время? – подошёл куратор их группы. Надо же, у них тут приключения, а его, выходит, и не было в зале!

– Э-э-э, Сергей Анатольевич, – начала было Шурочка, утирая слёзы...

– Анатолий Сергеевич, – поправил тот. – Вы почему не спите? Завтра в девять вставать!

– Ой, Анатолий Сергеевич! Тут такое было! К нам вломились местные, пьяные совершенно! Чуть не побили наших мальчиков, приставали к нам! – зачастила Шурочка.

– Мы так испугались! Мы от них убежали! – подключилась Леночка.

– Ну и молодцы, – не понятно кого похвалил куратор: то ли местных, то ли девчонок – Идите, ложитесь спать, а то завтра вас не поднимешь. Я поговорю с директором совхоза.

– А если они опять придут?

– Не придут, идите.

Девчонки вернулись, улеглись по кроватям, и Шурочка ещё с час ворочалась – в темноте ей опять стало тревожно.

Глава 5

На току она проработала всего день. Студенты ворошили зерно, чтобы лучше сохло, было пыльно и весело. А на второй день, как Шурочка и предполагала, пришла завстоловой за помощницей. Собственных сил кормить ораву из двадцати шоферов и десяти (пока десяти, через неделю обещают привезти еще двадцать) студентов у местных поварих не хватало. Шурочка тут же вызвалась, и теперь уже второй день кашеварила в деревенской столовке. Правда, надежды девчонок и прикидки Шурочки, что ей поручат мыть котлы и чистить картошку не оправдались. Котлы и посуду мыла дурочка Зина. А Шурочке помимо «почистить картошку» поручили варить суп и компот.

Поварихи работали в две смены, по два человека, менялись через день. Шурочка ни с кем не менялась. И работа оказалась – не залежишься! Вставать в шесть утра и бежать готовить завтрак, потом чистить бак картошки (а то и два, если на гарнир было пюре), одновременно варить для обеда бульон из говяжьих мослов. С трёх до шести у неё был перерыв, а потом – ещё два часа работы. Уже через три дня она умоталась и ждала воскресенья, когда ей обещали сделать выходной.

Суп и гарнир в столовой варили в огромных электрокотлах. Котлы стояли на специальных подставках, высотой доходили Шурочке до груди и были похожи на круглые стиральные машинки, даже воду в них наливали так же, из шланга. У Шурочки дома была такая, только у их машинки бока были окрашены белой краской, а котлы сияли хромом. Даже кнопки «пуск» и «стоп» у котлов были почти на том же месте. А там, где у машинки прицеплялись круглые валики, через которые выжимали бельё, у котлов торчали какие-то не то манометры, не то градусники. Шурочка не очень разобрала.

Говяжьи мослы для бульона были такими огромными, что не помещались даже в эти «электробочки», и поварихи рубили кости на большой колоде, предварительно срезав всё мясо – оно шло на гуляш.

Гуляш жарили на огромной прямоугольной сковородке – тут всё было огромное, на толпу едоков – и к этому священнодействию Шурочка пока приглядывалась. Поварихи поджаривали тонко нарезанные кусочки говядины, обильно посыпали их мукой, добавляли лук, воду, томатную пасту, лавровый лист и в итоге получали мягкое ароматное мясо в густой коричневой подливке.

В первый день Шурочке выпало работать в смене с грузной пожилой поварихой по имени Анна Михайловна. Повариха была одета в не очень свежий белый халат, из-под колпака выбивались волосы, выкрашенные в медно-рыжий цвет. Эта Анна Михайловна была какая-то неправильная. Вроде пожилая уже, да что там – старушка, а раскрашена по-клоунски. Густо наведённые брови – просто чёрная черта на месте бровей, а под ними – глаза в белёсых неподкрашенных ресницах. Тонкие губы в ярко-алой помаде, и – крупный крючковатый нос, как у бабы-яги. Правда, Шурочка к ней быстро привыкла. Повариха хлопотала по кухне, называла студентку «деточкой» и «доченькой» и рассказывала про своих детей. У неё их трое, старший сын Мишка – скотник на ферме. У него жена доярка, на Доске почета её портрет висит.

– Может, видела, деточка? Светленькая такая, красивая, молоденькая?

– Видела, – обрадовалась Шурочка, вспомнив красавицу с Доски почета. – Кажется, Ирина... Бригг! – всплыла необычная фамилия.

– Ага, ага, она это. Мы Бригги, из немцев мы, – закивала Анна Михайловна. – Потом ещё дочка у меня, Лизавета, в совхозе бухгалтером работает, двух пацанов одна тянет. У ней муж Славка в тюрьме сидит.

Шурочка во все глаза уставилась на повариху. Она впервые разговаривала с человеком, у которого кто-то из родственников сидел в тюрьме.

– А за что?

– Да за пьянку. Хороший мужик, хозяйственный, только пить ему нельзя. Он как напьется – Лизку гонять начинает. Пока просто драться лез, Лизка терпела. А в последний раз с топором за ней бегал по избе. Чуть не зарубил бабу, хорошо, во двор успела выбежать. Соседи помогли Славку скрутить, участковый протокол составил, Лизка в суд подала. Два года ещё сидеть паразиту. Он ведь пацана младшего, деточка моя, так напугал, что тот до сих пор заикается.

Повариха рассказывала эти ужасы спокойным тоном, словно книжку пересказывала. А Шурочкины глаза с каждой фразой становились всё круглее и круглее. Говорить о пьяном зяте, чуть не убившем её дочь, таким будничным голосом? Ну да, подумаешь. Ну, побегал пьяный Славка с топором, дело-то

жителейское. Не убил, – и слава богу.

Тон настолько не вязался с содержанием, что Шурочка на какое-то время зависла. А когда смогла слышать опять, Анна Михайловна уже рассказывала о младшеньком. Звали его Вася, и он только-только пришёл из армии.

– Он на танке там служил. Всё про железки выучил, директор обещал его на трактор посадить. Он у меня умный, самостоятельный. Его, деточка моя, девка одна из наших из армии дожидалась, прямо бегала, всё спрашивала, когда вернется. Замуж хочет! А я говорю: сынок, не спеши. Не нравится она мне, грязнуха. В свинарнике работает. Мой Вася и получше найдет. Вон, хотя бы такую, как ты, красавицу.

– Ой, ну скажете тоже! – зарозовела Шурочка.

Слышать, что она красавица, было приятно. И, дочищая картошку в большом баке, Шурочка уже представляла этого Васю-тракториста. Он был похож на артиста Тихонова в фильме «Дело было в Пенькове». Вася в мечтах лихо играл на гармошке, широко растягивая меха.

– Анна Михайловна, а на гармошке ваш Вася играет?

– Нет, деточка моя, не умеет он. На гармошке у нас в деревне только Семеныч, завклубом, умеет играть.

И всё равно, Вася Тихонов в её мечтах рвал меха.

* * *

Вечером, как ни странно, главной темой опять стал Вася. Оказывается, девчонки работали с ним на току и пожаловались на недавних ночных налетчиков. Теперь пересказывали.

– Представляешь, это, оказывается, первые бузотёры на деревне. Свои девки их гоняют, так они решили с нами подружить! – возмущалась Ира Зиненко. –Кстати, «подружить» они здесь говорят в смысле «крутить любовь», представляешь? Васятка обещал с ними поговорить, чтобы не лезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/baklina_natal-ya/gadkiy-utenok-ili-povest-o-pervoy-lyubvi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)